

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Фундаментальные исторические трансформации, составляющие наиболее важные вехи в истории человечества, такие как антропогенез, «неолитическая революция», становление ранних цивилизаций, переход от традиционного к современному обществу, а от него — к постсовременному, постиндустриальному и др., всегда привлекали внимание исследователей. Подобные трансформации нередко именуются революциями, настолько всеобъемлющ их характер и настолько значимы их последствия для развития человечества.

Кардинальная трансформация, связанная с движением от «традиционности» к «современности», получила в науке наименование модернизации. Она трактуется исследователями как протяженный, охватывающий несколько столетий всеобъемлющий исторический процесс, включающий инновационные мероприятия, в ходе которых люди совершали переход от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному.

Данный процесс, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов (субпроцессов): структурной и функциональной дифференциации общества (перехода от комплексных, диффузных, малоэффективных социальных структур и функций к узкоспециализированным и эффективным), индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, социальной и политической мобилизации, демократизации, становления новых ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций¹.

Специально для изучения процесса модернизации во второй половине 1950 — 1960-х гг. был сформулирован теоретический подход — модернизационный (работы М. Леви, Д. Лернера, Д. Эптера, У. Ростоу, Н. Смелзера, Ш. Эйзенштадта, С. Хантингтона, С. Блэка и других авторов), разработанный первоначально в рамках социологии и получивший затем широкое рас-

¹ См.: Опыт российских модернизаций XVIII—XX века / Под ред. В. В. Алексеева. М.: Наука, 2000; Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006.

пространение в исторических и историко-социологических исследованиях.

Необходимо при этом обратить внимание на творческий характер разработок, осуществленных в русле модернизационного направления. Данная теория (точнее — теории) не оставалась неизменной со времени ее первоначального оформления; дальнейшее ее развитие было обусловлено усложнением реальных модернизационных процессов, совершенствованием теоретического оснащения гуманитарных наук. В частности, для сторонников модернизационного подхода стала очевидной необходимость учета социокультурного контекста модернизации, получила признание идея многовариантного и циклического, нелинейного характера модернизации, влияния на ее результаты международного контекста.

На протяжении второй половины XX и начала XXI столетия школа модернизации реагировала на модификации реальных общественно-исторических процессов, расширяла свой исследовательский фокус, включая в орбиту внимания все новые сюжеты, совершенствовала свой познавательный инструментарий, учитывая, в частности, обновление методологии социальных и гуманитарных наук в целом.

Свидетельством влияния модернизационной перспективы на методологию социальных наук может служить тот факт, что многие концепты, получившие детальную теоретическую разработку в ее рамках (традиция, инновация, традиционное и индустриальное общества, структурно-функциональная дифференциация, индустриализация, демократизация, рационализация, профессионализация, стадии роста и т. д.), находят широкое применение в научном дискурсе, в том числе в работах представителей конкурирующих теоретических направлений.

В итоге современный модифицированный модернизационный подход заметно дистанцировался от классической версии, превратившись из первоначально односторонней теоретической модели, не игравшей существенной роли в историко-эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности научно-исследовательскую программу², призванную в первую очередь решать проблемы, свя-

² См.: Алексеев В. В., Побережников И. В. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998. С. 8—32; Они же. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Урал. ис. вест. Екатеринбург, 2000. № 5—6. С. 8—49; Побережников И. В. Указ. соч.

занные с объяснением перехода от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному. Данные проблемы сохраняют свою актуальность для значительной части стран и народов, населяющих современную планету; значимы они и для России, которая осуществляет сегодня грандиозную трансформацию, призванную завершить строительство современного общества. Вероятно, проблема модернизации сохраняет определенную значимость и для наиболее развитых обществ мира, в которых индустриальный сектор экономики по-прежнему играет немаловажную роль, а процессы глобализации предъявляют им новые вызовы, требующие новых ответов. В этой связи хотелось бы подчеркнуть теоретическую значимость модернизационного направления, плодотворность его использования для объяснения механизмов широких исторических процессов.

Российский опыт модернизации привлекал и привлекает внимание западных специалистов. Концепции А. Гершенкрона, У. Ростоу, С. Блэка, трактующие развитие России как вариант («догоняющий», «неорганичный») общеевропейского процесса модернизации, составляли методологическую основу конкретно-исторических исследований западных русистов до конца XX столетия. С 1990-х гг. модернизационный подход стал широко использоваться отечественными обществоведами для объяснения особенностей российского перехода от традиционного к современному обществу. Интересные результаты в этом плане были получены в работах специалистов различного профиля (историков, экономистов, социологов, культурологов, философов, политологов: А. Г. Вишневского, Н. Н. Зарубиной, С. И. Каспэ, В. В. Керова, В. А. Красильщикова, Б. Н. Миронова, В. И. Пантина, И. В. Поткиной, Н. А. Проскуряковой, В. Т. Рязанова, А. С. Сенявского, В. В. Согрина, А. К. Соколова, В. Г. Федотовой, В. Г. Хороса и многих других исследователей³.

³ См.: Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопр. философии. 1993. № 7. С. 40—56; Он же. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995; Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997; Она же. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопр. философии. 2000. № 4. С. 3—27; Она же. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопр. философии. 2002. № 12. С. 3—21; Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996; Миронов Б.Н. Социальная история России

В целом в мировой литературе сложилось два подхода к трактовке соотношения российской истории и мирового модернизационного процесса и, соответственно, к определению места российского пути в общеисторической динамике.

Согласно первому подходу, получившему распространение в классических трудах представителей модернизационной парадигмы, Россия, не теряя национально-странового своеобразия, включается в мировой процесс модернизации.

периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1—2; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999; Он же. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998; Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001; Лейбович О.Л. Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996; Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999; Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 39—51; Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004; Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000; Поляков Л.В. Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. № 3; Он же. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М., 1998; Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194—207; Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3—39; Сеньявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003; Он же. Индустриальная модернизация, урбанизация и демографические процессы в России в XX веке: соотношение и взаимосвязи // Индустриальное наследие: материалы Междунар. науч. конф. Саранск, 2005. С. 398—406; Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4; Он же. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопр. философии. 1994. № 11. С. 3—18; Он же. Политическая история современной России. 1985—2001: от Горбачева до Путина. М., 2001; Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопр. истории. 2005. № 7. С. 153—165; Она же. К вопросу о концептуализации экономического развития России XIX — начала XX вв. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 11. М., 2005. С. 151—158; Она же. Экономическая модернизация России XIX — начала XX в. (теоретико-методологический аспект) // Индустриальное наследие: материалы Междунар. науч. конф., г. Гусь-Хрустальный, 26—27 июня 2006 г. Саранск, 2006. С. 4—8; и др.

Подобный подход создавал предпосылки для сравнения различных вариантов перехода от традиционности к современности, в том числе и российского, для выявления общего и особенного в протекании данного процесса.

В качестве примера, иллюстрирующего этот подход, можно привести работу П. Бергера, в которой осуществляется сопоставление капиталистического и социалистического (индустриальный социализм) вариантов модернизации⁴. Автор убежден, что, несмотря на использование часто не совпадающих механизмов развития, капиталистические и социалистические страны можно рассматривать в контексте процесса модернизации, общего для тех и других. При этом в качестве решающего фактора конвергенции П. Бергер рассматривает научно-технический прогресс.

Согласно второму подходу, специфическую историческую динамику России невозможно описать в терминах модернизационной парадигмы. Подобный подход, в частности, развивает Т. Шанин, сформулировавший концепцию России как развивающегося общества⁵.

Концепция Т. Шанина формировалась на основе критики тезиса классических теорий модернизации, согласно которому развивающиеся страны должны повторить путь, пройденный в прошлом Западной Европой и Северной Америкой, пусть и в ускоренном темпе. Ее суть состоит в признании «третьемирности» России как имманентного свойства ее истории последнего столетия. Вопреки отдельным успехам, полагает Т. Шанин, Россия как была, так и оставалась страной третьего мира.

К сущностным, сквозным характеристикам истории России XX в. как «третьемирной» страны, по мнению Т. Шанина, следует отнести: технологическое отставание, при котором успехи имеют сегментарный характер; хронический резкий разлад элементов общественной системы, как между разными ее составляющими, так и внутри каждой из них; слабые в своей мобилизационной активности, самоорганизации и политическом выражении социальные классы; увеличивающийся отрыв элит от населения; разросшиеся и агрессивные системы цензуры, подавления

⁴ См.: Бергер П. Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М., 1994.

⁵ Shanin T. The roots of otherness, Russia's turn of century. New Haven, 1986; Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905—1907 гг. → 1917—1922 гг. М., 1997.

и политического контроля, коррупция кадрового состава как следствие фактического наличия двух социальных миров на территории одной страны; государственный капитализм как решающее звено социально-экономической жизни, где не существует четкого разделения сфер государственной власти, экономики и собственности, юрисдикции, полицейского надзора; особенности внутренней динамики, характерные для расцвета «государственных экономик»: а) «авралыщина», «недострой», «халатность» и пр., б) экономическое развитие, которое проходит рывками, связано с крайне неэффективным употреблением человеческих и технических ресурсов и характеризуется динамикой затухания (пульсирующая активность в решении экономических задач), в) расцвет незаконных систем экономического взаимодействия, в которых переплетаются взяточничество, возведенное в систему, неформальная экономика и т. д. (развитая теневая экономика, коррупция государственного аппарата); зависимость от экономически более мощных систем и в то же время идеология ограничения этой зависимости (советский период прошел под знаменами борьбы за экономическую независимость и мировое превосходство, но в реальности, как считает Т. Шанин, создал глубокую зависимость СССР от экспорта сырья — даже для того, чтобы накормить собственное население; в этом проявляется классическая модель «зависимого» развития «третьемирной» страны, несмотря на спутники, ракеты и лучший в мире балет); масштабность семейной экономики и значимость сетей межсемейного внерыночного обмена в стратегиях выживания населения.

Кроме проявлений «третьемирности», Т. Шанин выделяет в развитии России специфические черты, которые применительно к советскому периоду сводятся к следующим: резкое повышение образовательного статуса населения и научного потенциала, которое только по скорости можно было бы оценить как культурную революцию; распад сельских сообществ (в селах это выразилось в исходе молодых, здоровых и образованных людей, в резком сокращении сельского ремесленничества и превращении большей части сельской России в социальный «отстойник неадекватности»).

К слабым сторонам данного подхода следует отнести преувеличение зависимости страны от внешнего мира (особенно для некоторых периодов); преувеличение отсталости; преуменьшение значимости достижений — в частности, в сфере военных

технологий, тяжелой промышленности, науки, образования; наличие существенных отличий в развитии по сравнению с многими развивающимися странами.

* * *

У сторонников трактовки российской истории в модернизационном ключе также можно отметить наличие двух различных позиций в характеристике самого процесса модернизации.

Приверженцы первой подчеркивают эволюционный и прогрессивный характер модернизации, что предполагает всеобщее стадийное движение от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия в соответствии с универсальными закономерностями преимущественно эндогенного характера.

Образно говоря, речь идет об одном движущемся эскалаторе, ступени которого одинаковы, только различные общества едут вверх, стоя на разных ступенях. В рамках подобного подхода история страны трактуется как реализация общих закономерностей перехода от традиционного к индустриальному обществу.

Здесь можно выделить две интерпретационные модификации — оптимистическую и пессимистическую. Согласно первой, нашедшей наиболее яркое и ясное воплощение в работах Б.Н. Митронова⁶, история России трактуется как повторение, но своеобразное, истории Запада (т. е. как движение в том же направлении, в котором развивались Западная Европа и Северная Америка), только с некоторым опозданием — на 2—3 столетия (по мнению историка, Россия живет в другом часовом поясе по сравнению с Западом). В основе концепции Б.Н. Митронова лежит идея «европейского происхождения» начал «русской государственности, быта и менталитета».

Подчеркивая «включенность» России в круг европейской цивилизации, количественное, но не качественное отличие русских национальных традиций и ценностей от западных, Б. Н. Митронов обращает внимание и на страновые особенности, обусловленные географическими, этноконфессиональными, социокультурными и институционально-политическими различиями, которые, тем не менее, по мнению автора, не приводили к деформации в целом западной модели развития.

⁶ См.: Митронов Б.Н. Указ. соч.

Что же касается страновой специфики России, то она, по мнению Б. Н. Миронова, заключалась в расколе культурного пространства на народную и элитарную культуры; в потребительской (минималистской) трудовой этике крестьянства; в широком распространении среди образованного общества антибуржуазных настроений и в слабой секуляризации массового сознания.

Согласно пессимистической модификации модернизационной интерпретации отечественной истории, последняя трактуется как субоптимальная, если не катастрофическая, попытка выйти на нормальный, западный, путь развития (концепции контр-или псевдомодернизации, «околомодернизации», представленные в трудах А.С. Ахиезера, В.Г. Хороса, В.А. Красильщикова и др.⁷). Такой исторический «портрет» подразумевает аритмию и негармоничность развития, неэффективность политико-правовых и социальных институтов, социокультурный раскол в обществе, масштабную маргинализацию значительной части населения.

Псевдомодернизация, как полагают сторонники данной концепции применительно к российской истории, приводила к обратным результатам: усилению бремени бюрократического аппарата, понижению уровня жизни и покупательной способности большинства населения, усилению немодерных черт российского общества.

Возможен и принципиально другой подход к трактовке самого процесса модернизации, который был намечен еще в ранних работах английского экономического историка А. Гершенкрона (это так называемая концепция «стадий экономической отсталости»)⁸. Суть данного подхода состоит в акцентуации историчес-

⁷ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: В 3 т. М., 1991; Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. С. 36—40; Он же. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А.С. Ахиезера) // Вопр. философии. 1993. № 5; Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. С. 68; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века.

⁸ Данная концепция нашла отражение в работе: Gershenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge, 1962. Также см.: Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. М., 2004. С. 420—447. Критический обзор концепции см.: Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России: Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии; Олегина И.Н. Критика концепций современной американской и английской буржуазной историографии по проблемам индустриализации СССР. Л., 1989.

кого момента, подчеркивании зависимости механизмов модернизации от времени, когда страна вступает в процесс модернизации. Согласно данному подходу, со временем (и в зависимости от места) меняются механизмы модернизации и сама модернизация подвергается трансформации.

Так, утверждает А. Гершенкрон, индустриальный рост нередко осуществляется как раз при отсутствии так называемых необходимых предпосылок, т. е. в условиях незавершенности преобразований аграрного сектора экономики (сохранение архаичной системы землевладения, принудительного труда, низкий уровень развития производительных сил и т. д.), при недостатке предындустриальных накоплений («первоначального накопления капитала», по терминологии советских историков).

А. Гершенкрон полагает, что ключом для объяснения проблем экономической модернизации (индустриализации — в данном случае) может стать концепция «заменителей» (субститутов), суть которой заключается в том, что в ситуациях отсутствия тех или иных предпосылок для индустриального развития их роль переходит к «заменителям».

Ученый делает попытку применить свою концепцию для объяснения индустриального развития Германии и России в XIX в. Дело в том, что обе страны страдали от недостатка так называемых предпосылок индустриализации. Согласно классическим теориям, в данных странах не могла осуществиться индустриализация.

Тем не менее, во второй половине XIX в. Германия совершила впечатляющий индустриальный рывок, который поставил ее вровень с Англией, бывшей тогда «мастерской мира». Россия перед Первой мировой войной отставала от Германии по абсолютным показателям, но ее индустриальное развитие в 1880—1890-х гг. стало своеобразным историческим рекордом: показатели индустриального роста, достигнутые в те годы, далеко превосходили показатели роста, когда-либо до того демонстрировавшиеся Германией.

Как же такое могло случиться на фоне только что упомянутых препятствий? — задается вопросом А. Гершенкрон. Его ответ таков — обе страны сумели успешно развить «заменители» отсутствовавших в исторической реальности «предпосылок» (такую роль сыграли в значительной степени банки в Германии и государство — в России).

Итак, модернизационный подход создает предпосылки для формирования существенно отличных историографических образов России:

1) как нормально развивающейся по универсальным законам страны;

2) как страны, динамика развития которой обнаруживает очевидные и некорректные отличия от «магистрального» пути;

3) как страны, которая осуществляет модернизацию специфическим, отличным от западных стран образом (цивилизационно-своеобразное развитие).

Тем не менее, эти подходы объединяет присущая им ориентация на выявление степени включенности страновой истории в общую эволюцию.

Намечая перспективы изучения российских модернизаций, следует остановиться на возможных его направлениях.

Во-первых, важно понимать, что за «анонимными» законами развития стоят конкретно-исторические действия исторических персонажей, осознанные или неосознанные, массовые или уникальные, во-вторых, что в процессе модернизации всегда шла борьба между разными силами, одни из которых поддерживали новации, структурирование новых отношений, другие отстаивали традиционные институты и ценности. При этом на каждой фазе модернизации, в каждый ее момент происходило осмысление, сопровождавшееся переоценкой наследия, выбраковкой устаревшего, разработкой и усилением новационных элементов.

Здесь можно сослаться на концепцию рефлексивного модер-на, согласно которой процесс модернизации нельзя рассматривать как элементарный кумулятивный процесс, в рамках которого старое последовательно превращается в новое⁹. На более поздних стадиях модерна, по мнению сторонников данной концепции, происходит разложение не только предмодерных форм жизни, но также и тех модерных форм, которые возникли на более ранних стадиях в результате компромиссов между старыми и новыми тенденциями.

Таким образом, модернизационный переход следует рассматривать как реальный исторический процесс, являющийся результатом противоборства различных социальных и политических группировок, столкновения мнений и стратегий, полный драматизма, героических рывков вперед и катастрофических от-

⁹ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; Fornas J. Cultural Theory and Late Modernity. London, 1995. P. 33.

ступлений. В определенной степени попыткой подобной трактовки модернизации может служить предложенная ранее академиком В.В. Алексеевым концепция «столетней революции»¹⁰, которая объясняет особенности методов и динамики российских модернизаций. Стремление реконструировать реальный «расклад сил», показать роль и формы участия различных акторов в процессе выработки научно-технической политики в контексте советской модернизации присуще исследованию Е. Т. Артемова¹¹.

Подобный же подход мы встречаем в коллективной монографии «Модели общественного переустройства России. XX век», вышедшей под редакцией В. В. Шелохаева¹². Монография, подготовленная видными учеными-историками, посвящена комплексному анализу содержания, направленности и механизмов реализации основных моделей общественного переустройства России в контексте модернизационного процесса в пореформенный период (консервативная, либеральная, народническая и анархистская, социал-демократистская модели).

Акцент на противостоянии различных общественных проектов в контексте российской модернизации второй половины XIX — начала XX в. делает в одной из своих публикаций известный специалист по проблемам российских модернизаций А. С. Сеньявский¹³. Он отмечает, что ключевые проблемы России начала XX в. уходят корнями, как минимум, в середину XIX в., когда решался вопрос о путях трансформации России из страны патриархальной, аграрной, сельской в современную, индустриальную, городскую. Это был вопрос о модели модернизации, являвшейся для России во многом не продуктом внутреннего развития, которое было заторможено в силу многих, в основном объективных, причин, а результатом внешнего давления, угрозы

¹⁰ См.: Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004. С. 292—304; Он же. Столетняя революция в России // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Урало-Сиб. ист. чтения, посвящ. 275-летию Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2000. С. 35—48.

¹¹ См.: Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднейиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006.

¹² Модели общественного переустройства России. XX век. М.: РОССПЭН, 2004.

¹³ См.: Сеньявский А.С. Российский исторический процесс во второй половине XIX—XX вв.: проблемы концептуального осмысления // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 594—602.

безнадежного отставания от ушедших вперед западных стран. Полуфеодальной, крепостнической России предстояло в короткий срок преобразовать все основы своей жизни. В середине XIX в. в обществе, по мнению А. С. Сеньявского, функционировало 4 социальных проекта (не всегда четко оформленных), опиравшихся, по сути, на 4 существовавших социальных силы. *Первый* проект — **патриархально-консервативный**, реакционный по сути, смыслом которого было ничего не менять, выражал интересы консервативного дворянства, помещичьего землевладения, стремившегося максимально долго оттягивать отмену крепостного права. Верховная власть отвергла эту позицию как ведущую в тупик. *Второй* проект **революционных демократов, народных волепиев** — продвигал в радикальной форме идею крестьянской войны и «черного передела» помещичьей, удельной, казенной земли между крестьянами, объединенными в общины.

Императорская власть, естественно, не собиралась действовать самоубийственным способом — ущемлять слой помещиков, свою главную в тот момент социальную опору; патриархальное же крестьянство, весьма консервативное и пассивное в тот период, с монархическими иллюзиями, не возражало бы против тотального передела земли в свою пользу и приняло бы ее, если бы вопрос был решен сверху, но к революционному решению проблемы оно тогда было не способно.

Народнический проект, преемником которого позднее стал эсеровский проект, как считает А. С. Сеньявский, не имел модернистской перспективы. Выражая интересы крестьянства — сословия феодального общества, он, по сути, звал в прошлое. А будущее могло быть только за основными классами индустриального общества. Это были формирующиеся классы промышленной буржуазии и пролетариата. В 1860—1870-х гг. они еще находились в зародышевом состоянии, не имея никакого политического влияния.

Поэтому модернизация осуществлялась верховной властью во многом с опережением существовавших социальных, экономических и иных условий. И здесь действовали третий и четвертый проекты модернизации — **либеральный и имперский**, — и конкурировавшие, и взаимно дополнявшие друг друга. По сути, реализовался имперский проект модернизации при опоре на бюрократию (сильный контроль власти над обществом, энергичное вмешательство государства в экономику с его доминированием в решающих отраслях: железнодорожном строительстве, тяжелой индустрии и др.).

Либеральная дворянская элита настояла на формировании основ институтов гражданского общества, социальная база для которых еще не созрела. Земская, городская, судебная, университетская и другие реформы создали основы самоорганизации соответствующих социальных категорий, вовлекли их в более интенсивную идейно-политическую жизнь, стали полем социальной активности. Но главный для страны крестьянско-земельный вопрос отмены крепостного права не был решен.

Дискуссии и противостояние различных проектов модернизации с конца XIX в. по 1930-е гг. явились предметом анализа в монографии Ю.А. Васильева «Модернизация под красным флагом»¹⁴.

Пространственные аспекты затрагивались сторонниками модернизационной парадигмы преимущественно в рамках применения сравнительно-исторического подхода. Исследователи, прибегавшие к данному подходу, обычно рассматривали в компаративном плане эволюцию двух или более обществ (обыкновенно стран), выделяя общие и особенные черты модернизации¹⁵.

Сравнительно-исторический подход был реализован в работах таких представителей школы модернизации, как С. Блэк, Ш. Эйзенштадт, Д. Растоу, С.М. Липсет, Б. Мур, Р. Бендикс и др. Внимание исследователей при этом фокусировалось на переменных, изучение которых вызывает большие затруднения в рамках социально-процессуального подхода: это институты, культура, лидерство. Сравнительный подход был ориентирован на выявление: 1) общих стадий, или фаз, через которые должны проходить все общества; 2) особых путей, которыми могут двигаться общества; 3) комбинаций «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций.

Представителями модернизационной школы достигнуты определенные успехи в выявлении пространственных особенностей процесса модернизации. Но полученные результаты относятся преимущественно к изучению страновых вариантов модернизации (скорее даже особенностей отдельных аспектов модернизации применительно к конкретным странам). Субстантивный уровень пространственной динамики в рамках модернизационных исследований по-прежнему освещается недоста-

¹⁴ Васильев Ю.А. Модернизация под красным флагом. М., 2006.

¹⁵ См.: Аванесова Г.А. Региональное развитие в условиях модернизации (на материалах стран Запада и Востока) // Восток. 1999. № 2. С. 41—56.

точно.¹⁶ Между тем без исследования субстрановой динамики модернизации вряд ли возможно получение углубленных знаний о сути данного процесса.

Поскольку классический модернизационный анализ был сфокусирован на национально-страновом уровне, постольку именно страна выступала в качестве основной аналитической единицы в большинстве модернизационных исследований, в частности в работах, базировавшихся на компаративно-исторической методологии. Гораздо меньше внимания уделялось субстрановым аспектам модернизации, недостаточно исследованными оставались ее пространственно-региональные характеристики модернизации.

В определенной степени данная оценка может быть отнесена и к современным отечественным исследованиям российских модернизаций. Немногочисленные, часто «постановочные», работы по данной проблематике лишь подтверждают указанный историографический факт.

Между тем применительно к российской истории пространственное измерение требует самого пристального внимания. Во-первых, пограничное расположение страны между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. Во-вторых, колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, богатство полезных ископаемых имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее секторов. В-третьих, пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. С одной стороны, Россия характеризовалась меньшим разнообразием природно-климатических условий по

¹⁶ См.: Соколов А.К. Природно-демографические факторы в российской истории и вызовы современности // Этот противоречивый век: К 80-летию со дня рождения акад. РАН Ю. А. Полякова. М., 2001. С. 31—53; Наумова Г.Р. Вся Россия (региональный подход к истории народного хозяйства) // Россия на рубеже XIX—XX веков: Материалы науч. чтений памяти проф. В. И. Бовыкина. М., 1999. С. 186—197; Власов А. В. Проблема индустриального развития регионов и роль государства в этом процессе (на примере Русского Севера) // Информ. бюл. Науч. семинара «Индустриализация в России». М., 1997. № 2; Керов В. В. Региональный аспект в изучении истории российской промышленности // Там же; Наумова Г.Р., Никонов А.В. Национальный фактор в индустриализации регионов // Там же.

сравнению с Западной Европой (мозаично-дробная структура которой создавала материальные предпосылки для существования относительно небольших государств, обладающих большой хозяйственной вариативностью на малых площадях), четким, «флагообразным» расположением географических зон, «континентальностью», т. е. целостностью и неразбросанностью приобретенной территории. С другой же стороны, колоссальная территория России, ее природная вариативность, сложный исторический характер формирования странового пространства, существенная роль миграций, колонизации, смешения и чересполосного расселения народов в складывании этносоциальной структуры предопределили становление достаточно сложного территориального каркаса. Исторически складывавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров освоения, наиболее важными из которых являлись северный, восточный и южный, регионы различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Это означает, что процессы модернизации нельзя исследовать, абстрагируясь от пространственных характеристик, исходя лишь из гипотетического представления о гомогенности пространства. Напротив, следует учитывать территориальную неравномерность распространения волн модернизации, региональные особенности разворачивающихся модернизационных субпроцессов (таких как индустриализация, урбанизация, бюрократизация, профессионализация), складывание своеобразной региональной структуры модернизации, включающей пространственные центры и периферию развития, наконец, региональные взаимодействия в контексте модернизации, сопровождающиеся как модернизационными импульсами со стороны более продвинутых регионов, так и реакциями периферии, способными адаптировать или гасить подобные импульсы.

Процессы модернизации имели не только временное, но и пространственное измерение. Они приобретали удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места: геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития на момент начала ускоренного роста, специфики национального менталитета и т. д.

Разработку конкретно-проблемной методологии изучения пространственно-временных особенностей российских модернизаций предприняли исследователи Института истории и археологии УрО РАН, однако работа в данном направлении еще далека от завершения¹⁷. Особо следует отметить проблему соотношения модернизации и имперского строительства, нашедшую отражение в современной отечественной литературе¹⁸.

Нуждается в дальнейшей разработке тема конкретных механизмов модернизации. В данной связи следует коснуться проблемы соотношения эндогенных и экзогенных аспектов развития. Модернизационная перспектива, выросшая из эволюционизма, традиционно уделяла преимущественное внимание эндогенным факторам развития. Классическая модернизационная парадигма отводила незначительное место проблемам международного уровня, интер-социальных взаимоотношений, «динамики сопоставлений различных обществ»; ее исследовательский фокус был направлен в первую очередь на внутренние, эндогенные факторы модернизации.

¹⁷ См.: Алексеев В.В. Общественный потенциал истории... С. 265—398; Он же. Регионализм в России. Екатеринбург, 1999; Опыт российских модернизаций XVIII—XX века; региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург: Лувен, 1997; Побережников И. В. Региональные аспекты модернизации: теоретико-методологические проблемы // Парадигмы исторического образования в контексте социального развития: Сб. науч. ст. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. Ч. 1. С. 17—27; Он же. Пространственные аспекты развития: теоретико-методологические проблемы // Историческое пространство России: инерция и трансформация: Материалы Всерос. науч. конф. (12 мая 2003 г.). Челябинск, 2003. С. 20—27; Он же. Урал в контексте российских модернизаций XVIII — начала XX вв.: теория и история // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2005. С. 10—24; Артемов Е.Т. Научно-техническая политика...; Зубков К. И. Экономические связи Урала с регионами Европейского Северо-Востока и Западной Сибири в ретроспективе // Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002. С. 17—54; Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII—XXI вв. Екатеринбург, 2006; Корнилов Г. Е. Трансформация аграрной сферы Урала в XX веке // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; М., 2004. С. 136—144; Он же. Основные тенденции аграрного развития в XX веке // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. М., 2004. С. 166—170; Он же. Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 286—314.

¹⁸ См.: Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5; Ка-спэ С. Империя и модернизация...

Между тем экзогенные аспекты невозможно было обойти при обсуждении вопросов смены традиционных институтов и ценностей новыми, модернистскими, даже несмотря на то, что, как оказалось, традиционные формы обладают колоссальным трансформативным и адаптивным потенциалом, позволяющим им гибко приспосабливаться к новым, модернистским, функциям.

Диффузия, т. е. распространение инноваций, в том числе их импорт в определенное общество извне, принадлежит к числу важнейших механизмов социальных изменений. Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса и повышения их адаптивных ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям. Диффузия получает дополнительные импульсы благодаря совершенствованию транспорта и средств коммуникации, облегчающих интерсоциетальные контакты и взаимодействия внутри обществ. Распространению инноваций способствуют миграции населения, войны, путешествия, торговля, развитие средств массовой информации и т. д.

Использование диффузионной модели открывает широкие возможности для изучения распространения технологий, социальных институтов, культурных ценностей, их усвоения и адаптации, влияния данных процессов на общий ход модернизации и ее результативность¹⁹.

В целом, как нам представляется, творческий потенциал теории модернизации еще далеко не исчерпан. В дальнейшей разработке нуждаются как теоретико-методологические принципы и инструменты модернизационного подхода, так и конкретно-исторические проблемы российского варианта модернизации не только в страновом масштабе, но и в региональном измерении. При этом требуется обратить особое внимание на региональные

¹⁹ См.: Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2007; Она же. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург, 2006; Алексеев В.В., Нефедов С.А., Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии (к постановке проблемы) // Урал. ист. вест. Екатеринбург, 2000. № 5—6. С. 152—183; Нефедов С.А. Реформы середины XVII века: попытка модернизации России по голландскому образцу // Западноевропейские специалисты в России XV—XVII веков. М., 2002. С. 40—43; Он же. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопр. истории. 2004. № 4. С. 22—52

черты протекания субпроцессов модернизации, а также на взаимодействие регионов в контексте модернизации и на влияние данных процессов на модификацию региональной структуры страны применительно к различным эпохам модернизации. Не следует ограничиваться исследованием только имперсонализированных тенденций и механизмов развития; субъективный фактор должен занять подобающее ему место в реконструируемых картинах модернизации.